

прагматического значения и информативного содержания, приводящих к усложнению предложения. Однако перечисленные выше факторы мешали распространению вопросительных многокомпонентных сложных предложений, а особенности синтаксиса старо- и среднефранцузского периодов ограничивали размер синтаксических структур данного типа. Поэтому для XII-XV веков характерны только минимальные вопросительные сложноподчиненные модели с соподчинением или последовательным подчинением придаточных. Появление других типов вопросительных многокомпонентных структур в последующие периоды обусловлено дальнейшим развитием исторической и лингвистической ситуации во Франции и связанными с ним интралингвистическими процессами.

Литература

1. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М., 2000.
2. Доза А. История французского языка. – М., 1956.
3. Катагощина Н.А., Гурычева М.С., Аллендорф К.А. История французского языка. – М., 1976.
4. Пономарева Л.В. Методические указания к образованию сложноподчиненного предложения усложненного типа современного французского языка. – Днепропетровск, 1981.
5. Скрелина Л.М., Становая Л.А. История французского языка. – М., 2001.
6. Шигаревская Н.А. История французского языка. – М., 1984.

Список произведений и принятых сокращений

1. *Quadrilogue*. – Alin Chartier. *Le Quadrilogue invectif*. E. Droz, CFMA, № 32, 1950.
2. *Chansons*. – Gace Brulé. *Chansons de Gace Brulé* p.p. G. Huet, SATF. – Paris, 1902.
3. *Fabliaux*. – *Fabliaux. Du vilain mire par Gauthier le Leu. Recueil général et complet des fabliaux des XIII et XIV siècles* p. A. De Montaignon et G. Raynaud. – Paris, 1872-1890.
4. *Miracle*. – Rutebeuf. *Le Miracle de Théophile*. Rustebuef's Gedichte, A. Kressner, 206-222; *Miracle de Theophile*, G. Franck, CFMA, № 49. – Paris, 1925.
5. *In ad Dom.* – *Sermons de Bernnard. In aduentu Domini sermo VII*. MPZ. Series latina. – Paris, 1877.
6. *Sotie*. – *Sotie. Farce nouvelle moralisée des gens nouveaulx qui mengent le monde et le logent de mal en pire. Recueil général des sotties*, p.p. E. Picot, SATF. – Paris, 1902-1910.

ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОЦЕССА ЗАИМСТВОВАНИЯ

Т.В. Петрунова
Белгород

Произошедшие за последние десятилетия изменения в политической, экономической и культурной жизни России «вписали» ее в лингвистическую революцию XX века. Носители русского языка получили возможность широкого международного и межкультурного взаимодействия с носителями других языков. В результате языковых контактов появилась возможность для вхождения заимствований в русский язык, а в результате контактов на научном и культурном уровне заимствовались понятия, которые нуждались в но-

минации. Эти изменения «окружающей среды», в которой функционирует и развивается язык, ускорили и значительно активизировали процесс языкового заимствования [Брейтер, 1998].

Коммуникативные скачки представляют собой радикальные изменения в характере и технологии языкового общения, которые на современном историческом витке привели к тому, что мир вступил в эпоху глобального билингвизма: АЯ + НаЦЯ. Лингвореволюция конца XX века: двойной коммуникативный скачок – в глобальной языковой ситуации и в технологии языкового общения [Кабакчи, 2001].

Впервые в истории земной цивилизации язык международного общения – английский – получает глобальное распространение и располагает мощной технологией языкового общения с глобальным, практически мгновенным распространением его устных и письменных текстов, многократно тиражируемых. Во всех странах мира говорят на английском языке либо в качестве родного, либо в качестве второго или иностранного языка. Зона активного использования английского языка постоянно расширяется. Он пришел в качестве иностранного языка туда, где ранее господствовали другие международные языки, например французский, русский или испанский, а там, где ранее был иностранным, он стал или становится вторым языком [там же].

Английский язык становится средством разрушения естественного лингвистического разнообразия, что, возможно, «представляет собой самый невосполнимый экологический урон нашего времени» [Леонтович, 2000]. Происходит изменение лингвистической парадигмы. Радикальное изменение глобальной языковой ситуации и ускорение конвергентных процессов неизбежно поставят в центр внимания лингвистов XXI века проблемы эколингвистики и языковых контактов.

Билингвизм – основа языковых контактов. Между тем билингвизм неизбежно таит в себе опасность «языковой эрозии», то есть вторжения сильного языка в другие, менее мощные или откровенно слабые языки, опасность насыщения их многочисленными заимствованиями, а в дальнейшем и опасность грамматических изменений, гибридизации. Неустойчивые языки могут быть просто вытеснены.

Народы мира уже сейчас бьют тревогу по поводу экспансии английского языка, выражающейся в англолизации практически всех языков мира. Процесс этот объективен, поэтому, по мнению многих ученых-лингвистов, неизбежен. Англоязычный мир опережает многие страны в политическом, экономическом и научном развитии. Множество терминов впервые создается на английском языке и в дальнейшем заимствуется всем остальным миром.

Использование в речи иностранных слов, которым злоупотребляют многие наши современники, привело к формированию новой лингвистической дисциплины – лингвоэкологии.

Лингвоэкология предполагает борьбу за чистоту языка, защиту его от разных «загрязнений». Сразу возникает вопрос, а нуждается ли язык в защите, есть ли у нас возможность осуществить эту защиту, не выдаем ли мы здесь желаемое за действительное. Может быть, язык развивается так, как

ему положено развиваться, а все наши попытки его подправить, подкорректировать, сделать более логичным, или еще что-то в этом роде, находятся в области наших благих пожеланий, но не более того. Язык развивается тогда, когда он взаимодействует. [Голев, 2005].

Все, кто говорят о лингвоэкологии, обычно связывают ее, в том числе, и с засильем иноязычной лексики. Оценка иноязычных заимствований является актуальным вопросом лингвистической экологии [Скворцов, 1988].

Часто забывают о том, что многие заимствованные слова совершенно обрусели и не имеют эквивалентов, являясь единственным наименованием соответствующих реалий. Отсутствие в языке ряда понятий вовсе не означает невозможности их выразить (пусть менее экономным способом) через другие, а различия в грамматическом строе (например, наличие в языке грамматического рода, определенных или неопределенных форм лексики) вовсе не означают их актуального осознания говорящим в момент речемышления. Можно согласиться с мнением Ч. Хоккета, что «языки различаются не столько возможностью что-то выразить, сколько той относительной легкостью, с которой это может быть выражено» [Хоккет, 1954 – цит. по Петренко]. Для нас здесь важно подчеркнуть то, что гипотеза лингвистической относительности заострила проблему языковой опосредованности восприятия и осознания мира человеком. Но в значительной мере верные в функциональном плане положения гипотезы лингвистической относительности искусственно разрывают взаимосвязь «деятельность – культура – язык». Как отмечает В.Ф. Петренко, демиургом образа мира является не язык, сам в значительной мере производный от специфики деятельности и культуры той или иной языковой общности, а понимаемые в широком смысле формы культурно-исторического бытия, выражающиеся в деятельности человеческих общностей. То, что возможны коммуникация и взаимопонимание людей, говорящих на различных языках и принадлежащих к различным культурам, свидетельствует как о наличии общечеловеческого бытийного базиса, являющегося инвариантом жизнедеятельности людей, так и о высокой степени взаимопроникновения и взаимообогащения культур различных народов [Петренко, 1997].

В разные периоды развития русского литературного языка оценка проникновения в него иноязычных элементов была неоднозначной. Кроме того, с активизацией процесса лексических заимствований обычно усиливается и противодействие ему. Так, Петр I требовал от своих современников писать «как можно вразумительней», не злоупотребляя нерусскими словами. М. В. Ломоносов в своей «теории трех штилей», выделяя в составе русской лексики слова различных групп, не оставил места для заимствований из неславянских языков. А создавая русскую научную терминологию, Ломоносов последовательно стремился находить в языке эквиваленты для замены иноязычных терминов, подчас искусственно перенося подобные образования в язык науки.

В наше время вопрос о целесообразности использования заимствований связывается с закреплением лексических средств за определенными функциональными стилями речи. Иностранная терминологическая лексика является

незаменимым средством лаконичной и точной передачи информации в текстах, предназначенных для узких специалистов, но может оказаться и непреодолимым барьером для понимания научно-популярного текста неподготовленным читателем.

Академик Евгений Чельшев справедливо утверждает, что нет никаких оснований возражать против многих современных заимствований. Разве лучше громоздкое «электронно-вычислительная машина» или даже краткое ЭВМ, чем компьютер? В нашу жизнь в последние годы входят новые явления, а с ними новые слова, в русском языке зачастую отсутствующие.

Одной из характерных черт русского языка последних десятилетий является процесс активизации заимствованной лексики: расширение сферы использования специальной иноязычной терминологии, относящейся к экономике, финансам, управлению, коммерческой деятельности и некоторым другим областям, и появление большого числа заимствований-неологизмов, тоже принадлежащих преимущественно к специальным областям.

Основная причина заимствования – отсутствие соответствующего наименования в языке-рецепторе. Лексика языка-источника включает некоторые значения, которые не имеют стилистически корректного, «удобного» эквивалента в языке-рецепторе. И тогда наиболее рациональным способом передать эти значения представляется просто заимствование единиц из языка-источника. В ряде случаев эти заимствования используются только для обозначения иноязычных реалий, а в ряде случаев языковое заимствование происходит одновременно с заимствованием соответствующей реалии.

Отдельные носители языка, средства массовой информации и особенно реклама злоупотребляют заимствованиями. Можно даже говорить о языковой «моде» на заимствования в современном русском языке (которая является, конечно же, следствием моды на западный образ жизни, как мода на церковнославянские элементы и конфессиональную лексику – следствием вошедшей в моду «религиозности»). Многие носители русского языка, слушающие устную речь или читающие газеты, не понимают значения этих слов или с трудом догадываются о них, отталкиваясь от контекста [Брейтер, 1998]. В подобных случаях заимствования избыточны, и их функция – не языковая, а сверхязыковая.

В языке научного общения тенденция заимствования проявляется довольно ярко, вероятно, вследствие его «межнациональности». То, что возможно коммуникация и взаимопонимание людей, говорящих на различных языках и принадлежащих к различным культурам, свидетельствует как о наличии общечеловеческого бытийного базиса, являющегося инвариантом жизнедеятельности людей, так и о высокой степени взаимопроникновения и взаимобогащения культур различных народов [Петренко, 1997].

Связь языка и культуры, языка и общества предопределяется тезисом об адаптации языковой системы к языковому окружению.

«Самонастраивание» языка происходит стихийно, в процессе «естественного отбора» – неосознанного предпочтения говорящим одних языковых форм другим. Важным компонентом процесса «настраивания» языка в соответствии с предъявляемыми к нему функциональными требованиями является

ся активизация или, наоборот, свертывание тех или иных языковых процессов. Языковая система обладает механизмами саморегулирующего и самоорганизующего контроля, которые изменяют язык в направлении оптимально устойчивого состояния и оптимальной адаптации к его окружению. [Koehler, 1986 – цит. по Брейтер].

Политическая и идеологическая открытость российского общества привели к открытости языка для внешних воздействий, поэтому не случайно процесс заимствования является одним из наиболее активных процессов происходящих в современном русском языке.

Литература

1. Брейтер М.А. «Киллер» или «убийца»? (попытка системного подхода к описанию современной русской лексики) // Вестник ЦМО МГУ. – 1998. №1. – Ч.2. Русский язык: лингвистические исследования.
2. Кабакчи В.В. Лингвореволюция конца XX века и изменение лингвистической парадигмы. // Англистика в XXI веке. 22-24 ноября 2001 г. – [phil.pu.ru/depts/02/anglistikaXXI_01/29.htm/](http://phil.pu.ru/depts/02/anglistikaXXI_01/29.htm)
3. Леонтович О.А. Проблемы виртуального общения. – АЙРЕКС / Пресс-центр / Публикации / Электронный журнал «Полемика» / Выпуск 7 / Проблемы виртуального общения. – www.irex.ru/press/pub/polemika/07/leo/
4. Петренко В.Ф. Основы психосемантики: Учеб. пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 400 с.

ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА МИНИМАЛЬНОГО ПОЛИПРЕДИКАТИВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С СОЧИНЕНИЕМ И ПОДЧИНЕНИЕМ

Г.В. Позднышева
Белгород

В современной лингвистике текста рассматривается необходимость ответить на вопрос о взаимоотношении между синтаксисом предложения и синтаксисом текста. «Одни исследователи не считают правомерной связь между синтаксисами (или двумя уровнями синтаксиса), подчеркивая качественное отличие синтаксических отношений в тексте от синтаксических отношений в предложении. Другие высказывают неудовлетворенность тем, что описание текста в существующих работах не имеет прямой связи с типологией предложения – единиц предыдущего уровня» (Золотова 2001: 300).

В отличие от простых предложений, у полипредикативной конструкции наблюдается усложненная структура тема-рематических отношений, что определяется самой природой сложного предложения, характеризующегося несколькими предикациями. При анализе тема-рематических отношений многокомпонентных полипредикативных сложноподчиненных предложений принято выделять информативные типы, под которыми понимают «один из способов актуализации, коммуникативного оформления, которое приобретает предложение в условиях конкретной речевой ситуации» (Кормановская